

ИЗ КАРАБАХСКОГО БЛОКНОТА

Андрей ВАСИЛЬЕВ,
(Москва)
фото: Сергей КИВРИН,
(Москва)

Эти записи сделаны в конце марта 2021 года. Вместе с фотокорреспондентом Сергеем Кивриним мы тогда проехали не менее полутора тысяч километров по южному Карабаху и по шести азербайджанским районам, двадцать восемь лет находившимися под армянской оккупацией.

Багровая вспышка и оглушительный грохот. Через секунду взрывная волна швыряет в лицо песок и сухие прошлогодние листья. Хотя до места подрыва мин не менее пятисот метров, полное ощущение, что земля содрогнулась. В небе повис черный султан дыма.

- Вспышку не поймал, - посетовал расстроенный Сергей.

- Через час будем следующую партию взрывать, - успокоил фотографа командир отряда ANAMA (Агентства по разминированию).

Действительно, этого «добра» хватает. В траншее лежит еще несколько десятков мин со снятыми взрывателями.

В отряде всего 9 человек, включая врача. Народ опытный. На вид моложе сорока никого нет. Впрочем, лица настолько обожжены солнцем и продублены ветром, что точно возраст не определишь.

Здесь, в Агдамском районе отряд работает с декабря прошлого года. **За это время сняли более 700 противопехотных и противотан-**

ковых мин. И это не считая обезвреженных снарядов и тротильных зарядов.

Работа, к сожалению, идет медленно. **Командование вооруженных сил Армении отказалось предоставить карты минных полей. А мины тут повсюду.** Шаг в сторону с асфальта – и взлетишь на воздух. Об опасности предупреждают постоянно встречающиеся таблички с надписью «mina». И тем не менее, **уже ранены или убиты свыше сотни гражданских лиц.** А сколько еще погибнет женщин, детей?! Даже страшно подумывать. Ведь армяне, уходя, минировали дома, дворы, дороги, тропинки, поля. И будет десятилетиями лежать под какой-нибудь на вид невинной тропкой затаившаяся смерть, пока однажды не ступит на неё крестьянин или пастух, не решит пробежать ребенок.

* * *

Когда, вернувшись в Москву, Сергей выложил у себя на сайте фотографии из Карабаха, один из его подписчиков заметил, что, дескать, взгляд во многом зависит от того, с какой стороны ты прибыл. Кто тебя до этого чаем поил и пирогами угощал.

На это могу ответить только одно: с какой стороны не заехать в эту зону (а эти земли сегодня и вправду стали походить по смертоносности на знаменитую Зону из «Пикника на обочине»

Стругацких) – с запада через Лачин, с юга через Джабраил, с востока через Агдам, с севера через Барду – встретишь одну и ту же **картину разоренного и разграбленного края. Не сожженного войной - её следы, конечно, тоже присутствуют, но не столь уж их и много, - а методично и последовательно опустошаемого на протяжении трех десятилетий** региона. Кстати, далеко не маленького: к 1994 году Армения оккупировала пятую часть территории Азербайджана.

Кто не верит тому, что я написал, пусть придет, посмотрит! Боюсь, ничего кроме бесконечных развалин не найдет. Если помните фотографии только что освобожденного от немцев Сталинграда, то несложно будет представить, как выглядит сегодня Карабах.

Сегодня Карабах – это пустыня с редкими островками жизни. Заезжаем в Зону со стороны **поселка Горадиз, что на реке Араз**. Контраст - хочется написать «поразительный», но он страшный. Горадиз - процветающий поселок, очень много новых домов, окруженных зазеленевшими деревьями, – весна здесь наступила рано, – красивое здание Центра мугама, Олимпийский центр, школы, магазины... Затем минуем бывшую линию сопри-

косновения. Траншеи, стрелковые ячейки, пулеметные гнезда, противотанковые рвы. Тут саперам непочатый край работы. А дальше, сколько ни едем, **километр за километром одни лишь развалины. Уничтоженные армянами деревни угадываются только по остаткам фундаментов.** Одна, вторая, третья, десятая... Ни одного сохранившегося дома.

Районный центр Физули. До Первой Карабахской войны его население составляло 17 тысяч человек, в основном азербайджанцы. Армян было немного, несколько сот человек во всем районе. Азербайджанцев изгнали, но и армяне здесь жить не стали. **Город разрушили. До основания.** Его больше нет. Идем по тропинке, – это бывшая улица, – между горами камней, которые три десятилетия назад были домами. Проводник, указывая на остатки стен, объясняет:

– Здесь был театр, а здесь библиотека. Кажется, это Дом культуры. Мечеть...

Иногда путается и он, что немудрено: очень сложно понять, к какому зданию относился сохранившийся кусок стены.

Памятник жившему в XVI веке поэту Физули. Разбит. Остался один постамент. Средневековый

лирик почему-то оказался неугоден властям так называемой «нагорно-карабахской республики».

Поднимаемся по склону к городскому кладбищу. И здесь картина та же - **ни одной целой плиты. Некоторые могилы разрыты.** Видны лежащие в них кости.

- Искали у покойников драгоценности, золотые коронки снимали, - говорит проводник.

Это уже за гранью. Даже не знаем, как реагировать.

Наконец, встречаем позитив: на окраине Физули строится трансформаторная подстанция.

К моменту освобождения район был полностью обесточен. Провода электросети армяне сняли и вывезли.

Неподалеку прокладывается шоссе. Местами шестиполосное. Оно свяжет Физули с Шушой. Отсюда едем на строительство Физулинского аэропорта. Много современной техники. Работают быстро и слаженно. Взлетно-посадочная полоса уже расчищена и утрамбована. Скоро начнут заливать бетон. Один из инженеров говорит, что к началу следующего года обязательно закон-

чат. Надо полагать, в 2022 году аэропорт начнет функционировать.

Джебраильский район. Худаферинские мосты. Они и сегодня смотрятся величественно. Один, возведенный в XII веке, шагнул через Араз одиннадцатую пролетами. Второй, тремя столетиями старше, стоял на пятнадцати опорах. Жалко, что сохранились не все.

А на той стороне Иран. По берегу реки выстроились чуть ли не сплошной линией дома, снуют автомобили, кипит жизнь. Ночью иранский берег залит электрическим светом. **На азербайджанской**

стороне ни огонька. Люди в свои деревни еще не вернулись. Да и некуда им возвращаться.

Пограничники рассказывают, что три десятилетия назад все было наоборот. Это иранцы смотрели с завистью на сияющий огнями азербайджанский берег.

Поглощенные всецело грабежом правители самопровозглашенной «НКР» в развитие края не вкладывались. Не было такой цели. Славившиеся своим плодородием карабахские земли они сдавали в аренду иранским фермерам. Кстати, совершенно незаконно. Те, в свою очередь, не заморачиваясь нормами международного права, собирали обильные урожаи и богатели. А армянским лидерам денежка в карман капала. Причем немаленькая.

Проезжая мимо одного из разрушенных сел, видим стоящий у дороги мемориал. Он посвящен карабахцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Из огромной плиты выступают три лица. Трое солдат, ушедших из этого села и не вернувшихся.

Барельеф покрыт оспинами от пуль. Стреляли армянские ополченцы метко. Глаза у всех троих выбиты.

Зангиланский район. Баситчайский природный заповедник. Здесь росли уникальные восточные платаны. Были деревья высотой до 50 метров и до 4 метров в обхвате. Их средний возраст достигал 170 лет. **От этих роскошных рощ даже пеньков не осталось. Армяне спилили заповедные рощи под корень, а древесину продали.** Лишь по берегам протекающей через заповедник речки сохранились несколько платанов-великанов. Спасло их то, что вытащить стволы на дорогу было сложно. Пытались деревья сжечь, но сырая древесина горит плохо. Так они и стоят с обожженными стволами.

Село Бабайли. На холме стоит мавзолей XIII века. Внизу протекает река Хакяри, за ней закрывают горизонт горы. А справа расположилось бывшее село. Бывшее потому, что ни одного целого дома. Ни один не пощажен. Каждая стена разобрана ровно наполовину. Так проще было ломать? Или это сделано для того, чтобы у построивших эти дома и мысли не было о возвращении?

Видя мое недоумение, сопровождающий разъясняет, что ломали не только «для удовольствия».

Извлеченные блоки везли в Армению, Грузию или в Иран. Бизнес был налаженный и, судя по тому, что я видел, очень масштабный. Вот только как в таком доме жить, если эти привезенные из Карабаха камни горем пропитаны?!

Город Зангилан. Все время надо добавлять слово «бывший». Бывший город. Та же картина, что и везде. **Разрушенные или, точнее, разобранные дома, разбитые памятники, одичавшие сады.** Полицейский предупреждает, чтобы смотрели под ноги, с асфальта лучше не сходить. Возможно, где-то остались мины. И точно: Сергей чудом не задевает упрятанную в траву растяжку. Привет от стоявшего здесь армянского гарнизона.

Зангилан – городок небольшой, но очень красивый. Опять же, был таковым до оккупации. Лежит он в лесистой котловине. А на одном из склонов был разбит чудесный Нагорный парк. По его аллеям мамы гуляли с колясками, бегали ребятишки, по воскресным дням собирались большими компаниями в стоявшем под соснами ресторане.

Всего здесь проживало 7 тысяч человек. Из них, согласно переписи, всего 5 армян. Азербайджанцев в 1994-м выселили в один день, по всей видимости, чтобы для армян появилось место. Но они почему-то переселяться сюда особенно не спешили. До самого освобождения Зангилана население города так и не поднялось выше четырех сотен.

Губадлинский район. Село Дамирчиляр. Все те же развалины. Мы заехали сюда, чтобы осмотреть **мавзолей XIV века - к счастью, он сохранился, как и ведущий к нему одноарочный мост того же столетия.** На стенах мавзолея отчетливо видны солярные знаки, характерные для культуры Кавказской Албании. Возможно, он был сложен из каменных блоков какого-нибудь древнего святилища. Пол в мавзолее вскрыт. Каменные плиты разбили, чтобы добраться до захоронения. Удалось ли армянским черным копателям что-то найти – бог весть. Но если в могиле и было что-то ценное, оно теперь, несомненно, за границей, в какой-нибудь частной коллекции, как и почти все экспонаты из карабахских музеев.

Ходжавендский район. Поселок Гадрут. Первый раз за все дни, проведенные в Карабахе, видим сохранившиеся дома. Есть даже целые нетронутые улицы. Можно и не спрашивать, и без того понятно,

что здесь жили армяне. В октябре 2020-го, когда азербайджанские части подошли к Гадруту, они все бежали. Помню кадры, показанные по телевидению: растерянные женщины, хмурые мужчины, плачущие дети. И много горьких слов в адрес Азербайджана. А ведь **этих людей никто не принуждал уходить, в отличие от их соседей-азербайджанцев, которых под прицелом тридцать лет назад выгоняли из родных домов.** Но армяне об этом забыли. А может, просто не хотелось вспоминать. Я, во всяком случае, ни в одном интервью и слова сожаления о содеянном не слышал. Ни одна армянка не вспомнила соседей, к которым в гости ходила, кусок хлеба преломляла, а потом равнодушно смотрела в окно, как их гнали из города.

В начале 90-х годов при оккупации Карабаха и семи прилегающих районов с этой территории были

депортированы 700 тысяч азербайджанцев. Удобное это слово - «депортировать». Без эмоциональной окраски. А по сути, **азербайджанцев выселили, изгнали. Убирайся! Сейчас! Немедленно! Иначе убьем!** Вот так было на самом деле. Слышал это своими ушами не раз, беседуя с беженцами.

Где-то прочитал, что в «нагорно-карабахской республике» даже была отреставрирована иранцами и перестроена на свой манер мечеть. Может, это и так. Я её не видел. Зато **видел не меньше десятка разрушенных, разгромленных,**

сознательно оскверненных мечетей. Я хоть и атеист, считаю это подлостью. Впрочем, не лучше было отношение к христианским церквям. По крайней мере, к самым древним – албанским.

В бывшем селе Карга-Базар (от него тоже ничего не осталось) Физулинского района стоял уникальный караван-сарай, датируемый концом XVII века. Необычен он выходящим во двор балконом,

который украшают две колонны и три полукруглые арки, придающие зданию легкость и воздушность. А над караван-сараем, на скале, к которой он пристроен, находится **древний албанский храм. Армяне в нем держали скот, как, впрочем, и в караван-сараем. Не лучше судьба и албанского храма в поселке Туг**, куда мы поднялись по крутому серпантину из Гадрута. Накануне

Первой Карабахской войны в поселке жили 920 азербайджанцев и 700 армян. Не знаю, как складывались отношения между ними, но после оккупации Ходжавендского района Арменией всех

азербайджанцев изгнали, дома их разрушили, а армянская часть поселка осталась в неприкосновенности. **Был подвергнут самой серьезной арменизации и албанский храм.** Крышу украсили характерной башенкой, прорубили в стене окна и новый вход, углубили пол, воздвигли новый алтарь. Словом, был памятник албанской архитектуры, появилась армянская церковь.

Особенно большая работа была проделана во дворе храма. Там трудился не один каменотес, изготавливая надгробные плиты с армянскими надписями и разнообразными датами из календаря начала XIX века. Вот только закончить эти фальшивки не успели.

В село Беюк-Марджанлы Джебраильского района нам предложил заехать наш азербайджанский коллега.

- Там дом моих родителей, - говорит он. - Братья, сестры, все в нем выросли. В 1993-м нам пришлось уйти, всё оставив. Двадцать семь лет в своем селе не был. Видел только фотографии, сделанные со спутника. Похоже, дом разрушен. Но что-то должно остаться. Отец и мать просили снимки сделать. Они все эти годы мечтали о том, как они вернуться сюда, и все будет, как раньше.

Вот и дорожный указатель. «Беюк Марджанлы». Наш товарищ бледнеет. **Села нет. Только неряшливый кустарник и довольно высокие деревья, расположившиеся там, где когда-то были дома, дворы, хозяйственные постройки.** Лишь кое-где остались камни, из которых сложены фундаменты, да торчат из прошлогодней травы остатки стен.

- Это было очень большое село. Три школы, одна из них – музыкальная, поликлиника, дом культуры, стадион, магазины, своя железнодорожная станция...

Идем по бывшей главной улице за полицейским сержантом. Он знает, какие дороги уже разминированы, а куда лучше не ступать.

- Вот здесь стояла поликлиника, - показывает сержант на большую воронку. – Армяне взорвали её перед уходом.

- Армяне никогда в нашем селе не жили, - откликается коллега.

- Зато хозяйничали, когда вас выгнали, - замечает полицейский.

Наш товарищ беспомощно озирается. Ни одного ориентира.

- Дом стоял в двухстах метрах за железной дорогой. Слышно было, когда поезда проходили.

- Дорогу они разобрали, а рельсы продали. Но насыпь сохранилась. Найдем! – успокаивает сержант и уверенно идет вперед.

- Подождите! – останавливает нас коллега. – Тут школа была. Отец в ней преподавал.

От школы осталась одна стена с зияющими окнами. Даже парты то ли вывезли, то ли сожгли.

- Всё! Дальше нельзя. Могут быть мины, - сержант преграждает дорогу.

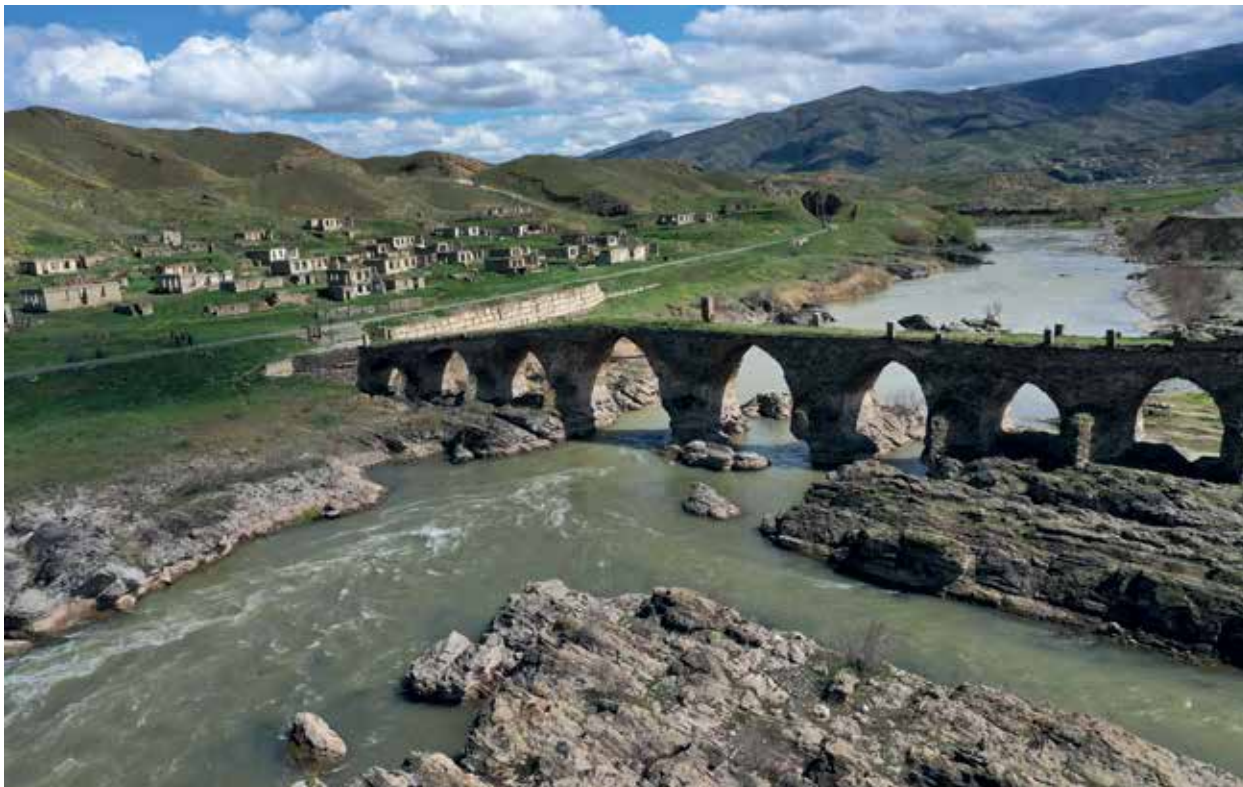
- Дом должен быть там. Тут совсем недалеко...

- Нет, нельзя! – полицейский непреклонен. – Сколько уже людей погибло. Видят свой дом, бегут, и..., - он машет рукой. Все понятно.

Наш товарищ опускается на колени. Мы отходим в сторону.

Чем больше копится впечатлений, тем больше вопросов. Но **наиболее часто возникает один: зачем армянам нужна была эта земля?** Неужели все та же проблема «Lebensraum», которая многие народы привела к проблемам еще большим? И не стояла она никогда в Армении при её сравнительно небольшом, к тому же активно сокращающемся населении. Не тайна, что сейчас в России живет больше армян, чем на их родине. Так, может, задаться вопросом: почему народ из Армении бежит? - а не призывать к захвату чужих территорий.

Если судить по тому, что я видел здесь, в Карабахе, в Физулинском, Джебраильском, Зангеланском, Лачинском и прочих районах, **не армянская**

это земля. И таковой никогда не была. Не относятся так к родной земле. Её холят, лелеют, благоустраивают, а не разоряют и грабят, не отдают внаем чужому дяде, а сами работают на ней.

Агдам. Его окрестили «город-призрак». Я в этом городе был последний раз в 1987 году. Запомнился он чистотой и обилием зелени. Конечно, меня повели тогда в Музей хлеба и Дом чая – этими двумя достопримечательностями агдамцы очень гордились. Сегодня среди многих километров развалин и не сообразишь, где они стояли. **Единственное узнаваемое здание – пятничная, то есть соборная мечеть. Оказывается, её не разрушили лишь по одной причине – армянские артиллеристы использовали её минареты в качестве ориентиров при пристрелке.** А в остальном всё выглядит так же, как и в других освобожденных азербайджанцами городах. Хозяйничавшие в Агдаме армяне ни одного дома не оставили в целости. С каждого сняли крышу, выломали окна, двери, полы, а потом разобрали стены.

При этом сами жили хуже нищих. Я в одном таком «жилище» побывал. От него бы и бомж отказался. Конечно, для начальства возводили виллы. Но простой народ ютился в халупах. А ведь армянское население в Карабахе до 1994 года было самым зажиточным.

А для чего было разрушать Агдамский драматический театр? Чем он помешал? Зачем надо было **устраивать хлев в усыпальнице Натаван? Что могло вызвать такую ненависть к замечательной поэтессе XIX века, одной из самых**

образованных женщин своего времени, чтобы так мерзко надругаться над её могилой?

Мне немало пришлось слышать и читать о красоте Карабаха, о его великолепной природе, об ухоженной земле, обширных садах и зеленых пастбищах, о богатых селах и уютных городах. Ничего этого я не видел. Видел взорванные мосты и десятилетиями не ремонтировавшиеся дороги, растащенные водоводы и заваленные мачты электропередачи, вырубленные сады и виноградники, сведенные леса, заминированные поля, брошенные окопы и осыпающиеся противотанковые рвы, оскверненные мечети и храмы, взорванные театры и больницы, бесконечные развалины на месте городов и сел. Видел я только горе, которое с красотой никак не сочетается.

О том, что было сотворено за годы оккупации в Карабахе, за пределами Азербайджана пишут мало. Куда громче звучат голоса представителей армянской диаспоры, требующих защитить Армению, наказать Азербайджан, вернуть Карабах. Допускаю, что среди них немало людей, плохо осведомленных не только об истории конфликта, но и о его последствиях. Тем более что **стараниями армянских политиков и фальсификаторов от науки**

реальные события давно уже погребены под множеством лестных для этого народа мифов, обильно питающих самый оголтелый национализм. Но довольно должно быть и людей осведомленных, тех, кто бывал на оккупированных Арменией территориях и видел, что там происходит на самом деле. Почему же они молчат? Разве такое возможно, чтобы преступный закон омерты стал доминирующим в жизни, заставив онеметь целый народ?! ♦

P.S. Я сознательно не использовал в этих карабахских записях никаких чужих корреспонденций, фактов и цифр. Здесь изложено только то, что я видел своими глазами.

I have heard and read a lot about the beauty of Karabakh, its spectacular nature and well looked after land. I have not seen any of this. I saw cut down orchards and vineyards, devastated forests, mined fields, desecrated mosques and temples, blown up theaters and hospitals, and expanses of ruins in the place of cities and villages. I saw only grief, which is incompatible with beauty at all... Little is written outside of Azerbaijan about what was done in Karabakh during the years of occupation. The voices of representatives of the Armenian diaspora demanding to protect Armenia, punish Azerbaijan and return Karabakh sound much louder.

